

В ПАРИЖЕ

- Николай Николаевич, можно вам теперь сказать два слова?..

Круглые часы над дверью конторы пробили шесть. Николай Николаевич Буров строго оглянулся на них, снял очки, положил в ящик бюро конторские книги, щелкнул ключом, подошел к стоящей в углу вешалке, взял шляпу и зонт и сухо, почти не шевеля губами прямого, твердого рта, сказал Людмиле Ивановне:

- К вашим услугам.

Людмила Ивановна стояла у своего стола, опустив голову. На ней была шапочка с муаровым пыльным бантом и синий старый жакетик. Узкая кисть ее руки сжимала, видимо изо всей силы, ремешок дешевенькой сумочки. Буров нахмурился, приотворил дверь в кабинет хозяина конторы, Вячеслава Иосифовича, и сказал ему, что он и Людмила Ивановна уходят.

Вячеслав Иосифович сидел у дубового стола и, навалившись всем костлявым телом на локоть, прижимал к уху телефонную трубку. Стоячие, похожие на половик у наружных дверей, рыжие волосы его двигались над низеньким лбом, лихорадочные пятна проступали на его скулах, почти прикрывающих глаза. Быстрой и страшной гримасой бритого лица он изобразил приветливую улыбку и сейчас же, захлебываясь, заговорил в трубку:

- Ну, что, - прочли?... Ну да, лондонские, утренние... Революция - чистый блеф... Я говорю, что нефтяные...

Буров вышел на лестничную площадку и приостановился. Людмила Ивановна, сразу задохнувшись, сказала ему:

- Вы меня поймите, Николай Николаевич... Вы поймите, что женщина не может этого говорить...

Буров, поджав губы, взглянул на пляшущую в ее руке сумочку.

- Пойдемте все-таки, - сказал он, и они стали спускаться по винтовой лестнице: Буров у стены, Людмила Ивановна - придерживаясь за перила. На площадке, ниже этажом, она остановилась. Зрачки ее синеватых глаз в волнении, почти в отчаянии, торопливо искали хотя бы черточки участия на неподвижном, резко-бледном лице Николая Николаевича. Темные усы закрывали ему рот, и все же было видно, как губы его сжаты упрямо и брезгливо. У Людмилы Ивановны сразу озябли руки.

- Вы знаете, как я теперь одинока, - сказала она. - Почему вы молчите?... Николай Николаевич, вы не замечаете, - вы целыми днями молчите... Я не могу больше...

- Я отношусь к вам хорошо, Людмила Ивановна...

- Нет, нет, - крикнула она, сейчас же испуганно оглянувшись и зашептала: - Эти две недели вы не сказали со мной ни слова... Что я вам сделала?..

- Видите ли, Людмила Ивановна...

- Вижу, вижу... Вы всегда были добры со мной... Теперь я особенно ждала... Мне так мало нужно... Но, господи, у меня же никого нет. Вы всё думаете - я навязываюсь... Ведь так, как это время вы со мной обращаетесь, лучше смерть... Я знала, что этот разговор будет ужасный...

Она совсем запуталась. Взялась обеими руками за шапочку и надвинула ее. Буров глядел себе под ноги, только брови его поднялись.

- Это все, что вы мне хотели сказать? - спросил он, понимая, что сейчас будет. Людмила Ивановна коротко, глубоко вздохнула, даже голову откинула, и сейчас же пошла по лестнице вниз. Она была худенькая и черная. Ее тоненькие ноги ступали прямо, юбка смялась от сидения весь день за машинкой в конторе, В особенности со спины сейчас Людмила Ивановна казалась пронзительно одинокой. Буров крепко держался за перила. Когда она скрылась, он подхватил левой рукой портфель и стал спускаться на улицу...

...В этот час Итальянский бульвар был шумен и многолюден. Из магазинов и контор выходили служащие и тесной и шумной толпой двигались по широкому тротуару. Шло множество женщин. Одни на ходу пудрили нос и щеки, смотря в крошечные зеркальца, - напудрив, становились краше вдвое; иные, найдя в толпе поджидавшего друга, касались уголком губ щеки его - начинали птичий разговор; иные шли как неживые, с пустыми глазами, с усталыми, длинными лицами; стайка подростков, одетых как попало, толкалась в этом потоке, хохоча во все горло; шли молодые люди в перетянутых по-женски пиджаках. Вот длинный деревенский парень в ливрее, одурев от шума и множества женщин, шагал, вытягивая шею из гуттаперчевого воротника; увидев его, подростки